

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

Е.И. МАЛЕТО

ХОЖДЕНИЯ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

Паломники. Купцы. Дипломаты. XII—XV вв.

Новейшие исследования по истории России

Елена Малето

**Хождения русских
путешественников. Паломники.
Купцы. Дипломаты. XII—XV вв.**

«Центрполиграф»

2026

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)43

Малето Е. И.

Хождения русских путешественников. Паломники. Купцы.
Дипломаты. XII—XV вв. / Е. И. Малето — «Центрполиграф»,
2026 — (Новейшие исследования по истории России)

ISBN 978-5-227-11381-8

Работа посвящена изучению путевых записок русских средневековых путешественников (паломников, купцов, дипломатов) — так называемым хождениям или «хождениям», уникальные сообщения которых о Византии, Палестине, Египте, Германии, Италии и других заморских землях все еще остаются малоисследованными как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Работа является первым опытом комплексного исследования хождений XII—XV вв. На основе анализа каждого из информационных слоев хождений выявляются новые информационные возможности этого вида источников, расширяются традиционные подходы к их изучению. Рассматривается история появления и развития жанра хождений, их рукописная традиция; основную часть занимает конкретный анализ всей совокупности имеющихся сведений о путешественниках Средневековья, в том числе путей сообщения средневековой Руси с Причерноморьем и Прикаспийским районом, со странами Востока и Запада (самостоятельное значение имеет реконструкция маршрутов русских путешественников); предлагаются новые подходы к изучению особенностей мировосприятия иных вер, народов, стран; прослеживается эволюция мировосприятия христианских святынь в сознании русских православных людей более чем за три столетия. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)43

ISBN 978-5-227-11381-8

© Малето Е. И., 2026

© Центрполиграф, 2026

Содержание

Введение	7
Глава I	15
Хождения	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Елена Малето
Хождения русских путешественников.
Паломники. Купцы. Дипломаты. XII—XV вв

Серия «Новейшие исследования по истории России»

Серия «Новейшие исследования по истории России» основана в 2016 г.

Рецензенты:

д. и.н., чл. – корр. РАН † А.Н. Сахаров,

д. и.н. † М.Е. Бычкова,

д. и.н., проф. † А.А. Преображенский

© Малето Е.И., 2026

© «Центрполиграф», 2026

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2026

Введение

Изучая историю христианства, историки вновь обращаются к истории Русской православной церкви, духовности и культуры. В сокровищнице исторических источников, которыми мы сегодня располагаем, есть немало ярких образцов подлинной народности и патриотизма. Среди них – путевые записки русских средневековых путешественников о Византии, Палестине, Египте и других заморских землях или так называемые хождения (по-древнерусски – хожения), которым и посвящена настоящая книга.

Большинство рассказов о хождениях содержат разнообразный и богатый фактический материал, позволяющий восстановить уровень осведомленности средневековых авторов об истории, экономике, географии, быте и нравах, религии, политической и социальной ориентации разных земель и народов. Судьба этих источников в отечественной науке не была простой. Вначале они пользовались пристальным вниманием исследователей, затем перестали вызывать интерес, были забыты, главным образом по причинам идеологическим, и, наконец, после долгих лет безвестности и забвения вновь получают заслуженную научную оценку.

Начало изучения хождений в отечественной историографии тесно связано с деятельностью в первой четверти XIX в. Румянцевского кружка (Н.П. Румянцев, К.Ф. Калайдович, И.И. Григорович, А.Х. Востоков, П.М. Строев, А.Ф. Малиновский и др.). Участники кружка собирали и публиковали документальные памятники, в том числе описания древних путешествий¹. К началу XIX в. было опубликовано лишь несколько записок о древнерусских путешествиях (митрополита Пимена, Симеона Толбузина, Трифона Коробейникова и др.). Их издание, задуманное членами кружка, должно было состоять из двух-трех частей. Исследователи намеревались выявить максимальное количество списков каждого памятника для использования их в качестве вариантов. Разработка плана издания была поручена А.Ф. Малиновскому, а непосредственное осуществление возлагалось на П.М. Строева. А.Ф. Малиновский предложил включить в будущую публикацию тридцать шесть описаний путешествий (в процессе подготовки их число увеличилось приблизительно до сорока). Каждое такое сочинение должно было сопровождаться комментариями, содержащими характеристику времени, целей, а также авторов описаний². К сожалению, подготовка широко задуманного издания в связи с уходом из Комиссии печатания государственных грамот и договоров П.М. Строева ограничилась лишь сбором и копированием списков памятников³.

Деятельность Румянцевского кружка дала импульс к дальнейшему изучению хождений. Н.М. Карамзин в «Истории государства Российского», в примечаниях использовал выписки из древнерусских путешествий⁴.

В 30-х гг. XIX в. П.М. Строев известил о находке хождения в Царьград (Добрыни Ядрейковича), и после этого М.А. Максимович дал его разбор в «Истории древней российской словесности»⁵. И.П. Сахаров подготовил к изданию три сборника хождений: «Путешествие русских людей в чужие земли» (СПб., 1837), «Путешествие русских людей по Святой земле» (СПб., 1839), «Путешествие русских людей» (СПб., 1849). Последний сборник составил восьмую книгу знаменитого труда «Сказания русского народа», где были собраны пятнадцать различных хождений⁶.

На начальном этапе работы еще не могла идти речь об углубленном исследовании этих источников, о рассмотрении проблем общественной мысли, ментальности, а также проблемы путей сообщения и смежных с ней вопросов (метрологии, транспортных средств, скорости и сроков передвижения). Стремления ученых были направлены в основном на поиски новых памятников и списков, а также на создание общих обзоров паломнической литературы.

К 60-м гг. XIX в. было выявлено столько паломнических хождений, что потребность их научного обзора стала насущной. Одну из первых попыток в этом направлении предпринял Н.В. Докучаев, который в начале 60-х гг. написал диссертационную работу, а затем напечатал в «Черниговских епархиальных известиях» в 1867–1869 гг. обзор – «Древнерусское паломничество по Святым местам Востока вообще и путешествия русских раскольников в те же места, в частности»⁷. В 70-х гг. появились обзоры паломнической литературы, не имеющие научного значения, обзоры архимандрита Леонида справочно-практического характера – «Обозрение цареградских памятников и святынь XIV–XV вв. по русским паломникам» и «Иерусалим, Палестина и Афон по русским паломникам в XIV–XVI вв., сводные тексты оных, с объяснительными примечаниями, основанными на местных исследованиях»⁸.

С 80-х гг. XIX в. эту работу продолжило Православное Палестинское общество, которое в 1883 г. приступило к изданию «Православного Палестинского сборника» и в последующие десятилетия развернуло работу по публикации паломнических хождений⁹. В подготовке текстов участвовали М.В. Веневитинов, Х.М. Лопарев, С.О. Долгов, С.Р. Розанов, архимандрит Леонид, В.Г. Васильевский и другие ученые. В результате их деятельности с 1883 по 1914 г. многие памятники древнерусской литературы впервые увидели свет¹⁰. Издания хождений сопровождалось вступительными статьями историко-филологического характера. В них можно найти попытки сопоставить тексты записок русских и западноевропейских путешественников, а также рассмотреть маршруты их следования на Восток. С этими же изданиями связано пробуждение внимания к метрологическим данным хождений¹¹.

Аналізу ряда памятников древнерусской литературы, в том числе двух хождений («Хождение суздальского епископа Авраамия» и «Первое хождение священноинока Варсонофия ко святому граду Иерусалиму»), было посвящено исследование 1898 г. Н.С. Тихонравова¹². Однако и оно не выходило за пределы разработки историко-религиозных проблем. Литературоведческий характер присущ исследованию П.В. Владимирова¹³ и четырехтомной работе А.Н. Пыпина¹⁴, которые были опубликованы на рубеже XIX–XX вв. К середине 20-х гг. XX в. относится начало изучения хождений как жанра древнерусской литературы¹⁵.

Таким образом, и в конце XIX – начале XX в. характер изучения хождений оставался таким же, как и в середине XIX в.: литературоведческое и историко-религиозное направления в исследовании этих источников преобладали.

Новый этап изучения хождений начался в советское время, когда были подготовлены их новые публикации. В 1934 г. М.Н. Сперанский завершил работу по научному изданию текстов «Хождения Стефана Новгородца» и «Сказания о святых местех, о Константинограде». Ученый предпринял попытку на основе названных памятников восстановить текст не дошедшего до нас хождения, которое получило условное название «Описание Константинополя начала XIV в.»¹⁶. В 40–50-х гг. XX в. в серии «Литературные памятники» вышли одно за другим два издания хождения Афанасия Никитина, подготовленные большим коллективом исследователей под руководством Б.Д. Грекова и В.П. Адриановой-Перетц¹⁷. Эти публикации предварялись введением и сопровождалась комментариями.

В.П. Адрианова-Перетц охарактеризовала Никитина совсем иначе, чем это делали авторы, склонные видеть в нем купца-дипломата¹⁸. Она справедливо заметила, что из текста источника не видно, что торговые дела путешественника складывались удачно. Основательнее, чем ее предшественники, исследовательница подошла к анализу языковых особенностей этого хождения. В частности, ею были исследованы варваризмы – отдельные слова, фразы и целые разделы, написанные Никитиным на своеобразном тюркско-персидском жаргоне, на котором, очевидно, изъяснялись купцы, торговавшие в Передней и Средней Азии. Всего же за эти годы

хождению Афанасия Никитина было посвящено около семидесяти работ¹⁹. Но и они рассматривали прежде всего литературные и историко-географические аспекты этого памятника.

Весомый вклад в дальнейшее изучение хождений внесли статьи В.П. Адриановой-Перетц, опубликованные в т. 1 и 2 «Истории древнерусской литературы»²⁰, статья В.Д. Кузьминой «Сведения об арабах и арабской культуре в Палестине начала XII в. по „хождению“ игумена Даниила»²¹ и А.И. Першиц «Этнографические сведения об арабах в русских хождениях XII—XVII вв.», где содержатся интересные наблюдения и сведения, необходимые для реального комментария к древнерусским хождениям на Восток²². Автор последней из упомянутых статей подробно проанализировал причины хождений русских путешественников в страны Востока (игумена Даниила, инока Зосимы, гостя Василия), охарактеризовал сведения этнографического характера, которые нашли отражение в этих источниках, и цели русских путешественников, довольно подробно рассмотрел общественно-политическую обстановку в указанном регионе. На основании проведенного исследования был сделан вывод о том, что русские люди приходили на Восток не как завоеватели-крестоносцы, они не были отгорожены от местного населения стеной вражды и ненависти, поэтому Киевская и Московская Русь знала об арабах больше достоверного, нежели Западная Европа²³.

Ряд исследований 50—60-х гг. XX в. был посвящен историко-литературному изучению хождения игумена Даниила. В.В. Данилов в статье «К характеристике „хождения“ игумена Даниила» доказал, что русский паломник не был частным лицом, а являлся официальным послом великого киевского князя. На основе словарного, фольклорного и географического анализа памятника исследователь пришел к выводу об южнорусском, точнее, черниговском происхождении Даниила, который до принятия монашества был вотчинником²⁴. Н.В. Водовозов рассмотрел хождение Даниила в связи с той обстановкой, которая сложилась в Палестине в результате крестового похода, организованного католическим Западом²⁵. В этой работе ученый доказывает, что Даниил был послан в Иерусалим для наблюдений за происходящими событиями и что основная идея хождения Даниила заключалась в том, чтобы показать, что восточное православие в завоеванной крестоносцами Святой земле не терпит притеснения ни со стороны «латинян», ни со стороны «срацин».

В 1963 г. появились еще две работы о хождении игумена Даниила: раздел в книге Б.А. Рыбакова²⁶ и статья Ю.П. Глушаковой «О путешествии игумена Даниила в Палестину»²⁷. Если вторая статья внесла новации в датировку хождения (было высказано суждение, что наиболее вероятным временем путешествия игумена Даниила следует считать 1104–1106 гг.), то наблюдения Б.А. Рыбакова представляли интерес привлечением нового материала, доказательными предположениями. Вслед за Н.М. Карамзиным Б.А. Рыбаков признает, что после своего возвращения из Палестины игумен Даниил был назначен епископом в пограничном г. Юрьеве и что им была написана повесть о Шаруканском походе 1111 г.

Таким образом, в 1950—1960-х гг. в центре внимания ученых по-прежнему находились два памятника древнерусской литературы – хождения игумена Даниила и Афанасия Никитина, которые и на сегодняшний день являются наиболее изученными. А исследование проблем общественной мысли, ментальности, а также путей сообщения и смежных вопросов (метрологии, транспортных средств, скорости и сроков передвижения) носило лишь эпизодический, фрагментарный характер.

Реальные изменения в изучении хождений произошли во второй половине 60-х и в 70-х гг. К этому времени медиевисты накопили обильный фактический материал, позволивший на практике осуществить комплексное изучение средневековой эпохи. В частности, появились первые обобщающие исследования, посвященные общественно-политической мысли средневековой Руси. Среди них – монография И.У. Будовница «Общественно-политическая мысль

Древней Руси»²⁸, монография А.И. Клибанова «Реформационное движение в России в XIV – первой половине XVI в.»²⁹, установившая этапы русских реформационных движений и их гуманистические идеи; труд Л.В. Черепнина «Образование русского централизованного государства XIV–XV вв. Очерки социально-экономической и политической истории Руси»³⁰, внесший существенный вклад в изучение идеологии отдельных социальных групп господствующего класса, в том числе и русских путешественников (Стефана Новгородца, Анонима, гостя Василия, Афанасия Никитина), записки которых рассматривались автором как произведения, выражающие политическую идеологию горожан, а также работы Я.С. Лурье, Н.Н. Масленниковой, А.Л. Гольдберга и др.³¹, имевшие большое значение для изучения вопроса о месте и роли средневековой Руси в общеевропейской и мировой истории.

К этому же времени относится начало изучения социально-психологических аспектов истории – так называемого менталитета или ментальности, тесно связанное с наиболее передовым направлением западной медиевистики – «Школой Анналов» во Франции и наиболее близкими к ней школами в других странах³². Именно в эти годы в европейских странах, а также в США появились работы ученых, стоящих у истоков сегодняшней «новой исторической науки» и занимающихся разработкой нетрадиционных методов изучения истории – это французские историки Р. Бутрюш, Ж. Легофф, Ж. Дюби, немецкие историки Т. Телленбах, Р. Шпрандель и их единомышленники в других странах³³. Представители этих направлений, особенно на ранних этапах, более активно и систематично, чем в отечественной медиевистике, изучали субъективный фактор – роль людей и их поведение в ходе истории.

Отечественные ученые также занимались разработкой вопросов ментальности (среди них – психологи Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, С.Л. Рубинштейн, а также историки и литературоведы М.А. Барг, А.Я. Гуревич, Ю.М. Лотман, Д.С. Лихачев и др.)³⁴. Однако указанная проблема по-прежнему остается одной из малоизученных как у нас, так и за рубежом. Это связано с рядом трудностей объективного характера. Само понятие ментальности и, в частности, его определение затруднено, так как пока не выработано единой трактовки термина. И хотя предпринимаются попытки его конкретизации³⁵, оно остается расплывчатым. Есть и другая трудность, на которую не раз обращали внимание историки, это опасность «приписать не свойственные признаки тому ментальному универсуму, который исследователь пытается возродить с позиций своей ментальной среды»³⁶.

Успехи в изучении путей сообщения (вопросов метрологии, транспортных средств, скорости и сроков передвижения) в указанные десятилетия были тесно связаны с исследованиями М.Н. Тихомирова³⁷. В них автор на новом научном уровне рассмотрел международные контакты Русского государства со славянскими странами, Византией и странами Западной Европы, положив начало комплексному изучению роли Руси в системе международных отношений позднего Средневековья XIV–XV вв. Среди изученных проблем немалое место отведено анализу путей сообщения Русского государства и Византии, дана развернутая характеристика Днепровского, Волжского и Донского путей сообщения, обстоятельно рассмотрены средиземноморское, западноевропейское, восточное направления торговли, а также контакты Руси, Византии, славянских и западноевропейских стран в области культуры. М.Н. Тихомиров фактически первый обратил внимание на вопросы, смежные с проблемой путей сообщения (вопросы скорости и сроков передвижения). Анализируя в одной из своих работ хождение Игнатия Смольнянина, описавшего поездку митрополита Пимена, ученый составил таблицу, в которой подсчитал протяженность сухопутного и морского маршрутов путешественника³⁸. Правда, его разработки требуют уточнения, что проделано современными исследователями³⁹.

Вопросы связи русских княжеств со странами Ближнего Востока (Византией, Малой Азией, Сирией, Палестиной, Египтом) находятся в центре внимания Д.М. Данцига⁴⁰. Ученый сумел показать огромный интерес русских людей к странам этого региона. На основе изучения древнерусских хождений Д.М. Данциг пришел к выводу, что пребывание там паломников, непосредственное восприятие действительности, знакомство с природой и жизнью народов Востока оставили большой след в истории русской культуры и географии⁴¹.

В 1970-х и особенно отчетливо в 1980-х гг. проявился новый этап в изучении хождений, тесно связанный с демократическими реформами в России и, как следствие, – с возросшим интересом общества к отечественной истории и культуре. Заметно активизировалось внимание к истории Русской православной церкви и к хождениям не только у нас, но и за рубежом⁴². Возрождение интереса к этим источникам сопровождалось их новыми публикациями.

В 1980 г. вышла в свет монография Н.А. Казаковой «Западная Европа в русской письменности XV–XVI вв.», внесшая существенный вклад в изучение связей Руси со странами Западной Европы в области культуры периода образования и укрепления Русского централизованного государства⁴³. На основе анализа дипломатической документации, летописей, хронографов и хождений (Неизвестного Суздальца, Авраамия Суздальского, Симеона Суздальского) исследовательница пришла к выводу, что русские политические деятели и книжники располагали значительным комплексом сведений о Западной Европе. В 1981 г. в серии «Памятники литературы Древней Руси XIV–XV вв.» было опубликовано «Хождение Стефана Новгородца» с комментариями Л.А. Дмитриева⁴⁴. В результате дальнейшей работы была издана «Книга хождений», объединившая свыше десятка сочинений о путешествиях в Царьград, Афон, на Ближний Восток, в Египет, Индию и европейские страны⁴⁵. К сожалению, лишь некоторые из изданных там памятников соответствовали требованиям современной текстологии. Научный аппарат этого исследования и, в частности, комментарии к нему также нельзя считать совершенными, но все же в плане литературоведения оно явилось важной вехой в изучении хождений. Не меньшее значение имела публикация в 1987–1989 гг. «Словаря книжников и книжности Древней Руси»⁴⁶, куда вошли материалы о древнерусских писателях и книжниках XI–XVI вв., в том числе сведения об авторах хождений – Антонии (Добрыне Ядрейковиче), Данииле, Стефане Новгородце, госте Василии, Зосиме, Афанасии Никитине и др.

Исследование 1976 г. западногерманского ученого К.Д. Зееманна «Русская паломническая литература. Теория и история литературного жанра» носит литературоведческий характер. Вместе с тем без внимания автора не остались и историко-географические вопросы, которые были затронуты в историческом обзоре этого исследования при анализе текстов хождений XII–XVIII вв., в частности, хождения игумена Даниила, Стефана Новгородца, инока Зосимы, первого и второго хождения священноинока Варсонофия, гостя Василия и других авторов. Безусловным достоинством работы К.Д. Зееманна явились подробная характеристика маршрутов русских путешественников в странах Востока, а также обстоятельная аргументация и уточнение авторства и датировки отдельных хождений⁴⁷.

Важным событием стало появление в начале 80-х гг. труда американского ученого Дж. Маджески «Записки русских путешественников и паломников о Константинополе XI–XV вв.». В этой работе автор охарактеризовал паломнические хождения XIV–XV вв. на основе исследования пяти памятников древнерусской литературы. Комментируя хождения Игнатия Смольнянина и дьяка Зосимы, Дж. Маджеска подробно рассмотрел Донской и Днестровский пути сообщения Руси и Византии. Положительным результатом исследования хождения Игнатия Смольнянина было обстоятельное описание и уточнение пути следования русских пилигримов, включая мало изученные до сих пор сведения о районах, простиравшихся к югу от русских рубежей⁴⁸. Кроме того, Дж. Маджеска коснулся различных внутривосточных собы-

тий в Византии, получивших отражение в источнике (дворцовый переворот 1390 г., венчание Мануила II Палеолога в 1392 г.).

Комментируя эти события, Дж. Маджеска показывает, что Игнатий Смольнянин по сравнению с другими известиями дает более достоверное их описание⁴⁹. Существенными являются результаты изучения обстановки, вызвавшей в 1389 г. поездку в Константинополь Пимена⁵⁰. Правда, Дж. Маджеска упускает из виду подробности столкновения русского митрополита с представителями константинопольского патриарха, о котором умалчивает Игнатий, но которое засвидетельствовано актовыми материалами⁵¹. Обратил внимание американский ученый и на ценность метрологических данных в хождениях. Но некоторые его выводы в этой области уязвимы⁵². Автор исходит из устарелых представлений о соотношении древнерусских мер длины, что приводит его при вычислениях к ошибочному результату. Произвольно интерпретируются в публикации и метрологические данные хождения Зосимы, что повлекло за собой ошибку в установлении пути следования русских путешественников⁵³. Вторая часть книги представляет собой исследование в виде комментариев к свидетельствам хождений о более чем сорока константинопольских реликвиях. Работа Дж. Маджески, несмотря на ряд неточностей и ошибок, стала важной вехой в изучении хождений и сегодня сохраняет свое научное значение.

Среди работ зарубежных исследователей 1980-х гг., посвященных хождениям, наряду с трудами Г. Подскальского, Т.Г. Ставру и П.Р. Вейсенселя, чье внимание сконцентрировано в основном на хождениях XII—XIII вв., выделяются статьи Е. Мацуки и В. Накамуры, опубликованные на страницах журнала *Past and Present*⁵⁴. Демонстрируя устойчивый интерес зарубежных коллег к этим источникам, а также к вопросу о месте Руси и отдельных русских княжеств в средневековом мире, они вносят существенный вклад в изучение активности русских в бассейне Черного моря в XIV—XV вв., а также в исследование исторических, политических и идеологических обстоятельств, на фоне которых в XIII—XIV вв. были осуществлены многочисленные путешествия новгородцев в Константинополь. Этот интерес не ослабевает и сейчас, о чем свидетельствуют материалы международных конгрессов исторических и византиноведческих наук⁵⁵, новые публикации и исследования хождений⁵⁶.

Итак, анализ как теоретических, так и источниковедческих работ показывает, что хождения еще не являлись предметом специального монографического исследования в отечественной историографии. В той или иной степени рассматривались лишь отдельные аспекты этих источников (прежде всего вопросы авторства, датировки и т. п.). Трудов, посвященных изучению общественной мысли, ментальности, а также путей сообщения, включая вопросы метрологии, транспортных средств, скорости и сроков передвижения, получивших отражение в хождениях, нет. Вместе с тем в отечественной и зарубежной литературе намечены подходы, облегчающие разработку указанных проблем.

Внимательно и в разной связи изучаясь, хождения «обросли» солидной литературой, но она не является исчерпывающей. Наука не стоит на месте и задает новые вопросы, которые расширяют поиск исторической реальности.

Настоящая работа отличается нетрадиционным по сравнению с предшествующим временем подходом к изучению хождений. Он ориентирован на изучение тех информационных слоев этих источников, которые все еще остаются не востребованными именно в плане изучения отечественной культуры⁵⁷. Ставя вопрос о таком подходе к изучению путевых записок русских средневековых авторов, мы выходим за рамки существующей историографии. Дальняя цель исследования — через комплексный подход показать научную перспективность и необходимость специального исторического изучения этих источников. Поиски новых подходов к исследованию прошлого определили активные междисциплинарные связи истории с литера-

турой, историческим и литературоведческим источниковедением, исторической географией и картографией, метрологией, хронологией, а также исторической и социальной психологией.

В центре внимания находятся не только разнообразные сведения о путешественниках и обстоятельствах их поездок, но и пути сообщения с зарубежными странами Востока и Запада. При этом под Востоком понимается христианский и мусульманский Восток – Византия, Малая Азия, Сирия, Палестина, Египет и Индия, а под Западом – страны Центральной и Западной Европы, и прежде всего Германия и Италия⁵⁸.

Глава I посвящена характеристике хождений и летописей, положенных в основу исследования. Одно из важных мест в указанном разделе занимает анализ хождений как литературного жанра и его эволюции на протяжении веков. Он осуществлен в неразрывной связи с историей изучения памятников. Глава II «Связи Руси со странами Востока и Запада и русские путешественники XII–XV вв.» основана на систематизации всей совокупности имеющихся сведений о путешественниках Средневековья. Она подробно информирует о типах путешествий русских людей в восточные страны – паломничестве, торговой или дипломатической поездке. При этом подчеркивается, что обычная формула «поклониться Святым местам» могла прикрывать чисто политические цели. Глава III «Маршруты путешествий в зарубежные страны Востока и Запада» наиболее значительна по объему и сложна по структуре. Она включает пять параграфов. Комплексный подход в данном случае обусловлен анализом путей сообщения с Причерноморьем и Прикаспийским районом; анализом маршрутов, связывавших Русь со странами Запада; изучением маршрутов непосредственно в странах Востока и Запада; исследованием метрологических и хронологических данных хождений, а также транспортных средств, скорости и сроков передвижения. Материалы главы III дополнены двумя приложениями: сводной картой-схемой маршрутов русских путешественников в страны Востока и Запада и словарем-указателем метрологических данных хождений XII–XV вв.

Не менее важным представляется анализ особенностей мировосприятия русскими путешественниками иноземных стран, которые рассматриваются в главе IV. Не ставя перед собой задачи всестороннего охвата проблем по столь широкой и многогранной теме, автор намеренно ограничился анализом картин объективного мира, зафиксированного в путевых записках русских путешественников. Автора интересовали в первую очередь особенности мировосприятия жителями средневековой Руси иных вер, народов и стран, выявление общего и особенного в их мировосприятии, а также эволюция мировосприятия на протяжении веков. Цель состояла не столько в том, чтобы показать факты, сколько в попытке воссоздать духовный облик русского путешественника через индивидуальное мироощущение авторов путевых записок – хождений.

Человек и история – так можно определить главную идею этой книги. Задумывая ее, автор исходил из убеждения, что изучение материалов о русских средневековых путешественниках важно для характеристики международных контактов средневековой Руси XII–XV вв.

В книге нет имен подавляющего большинства рядовых участников путешествий. И все же этот труд – дань глубокого уважения к памяти тех, кто не упомянут на ее страницах. Одновременно это – рассказ об удивительной силе воли, мужестве и бесконечной преданности наших далеких соотечественников православной идее.

Книга имеет двоякую задачу. Во-первых, она ориентирована на тех читателей, которые интересуются историей Древней Руси. Во-вторых, для специалистов-историков здесь содержатся новации по русско-византийским отношениям XII–XV вв. Прочитав ее, читатель сможет составить более полное представление о русских путешественниках эпохи Средневековья.

Автор выражает искреннюю признательность научному сотруднику Института всеобщей истории РАН, кандидату исторических наук Ю.Я. Вину, сотрудникам Института российской истории РАН доктору исторических наук, профессору А.А. Преображенскому и коллегам из Центра по изучению и публикации источников, – за доброжелательное отношение и

ценные консультации при подготовке настоящего труда, а также сердечно благодарит доктора исторических наук М. Е. Бычкову и научного сотрудника Государственного исторического музея (ГИМ) Л. И. Тормазову, оказавших большую помощь при доработке рукописи и подготовке ее к печати.

Особые слова благодарности рецензенту книги и Учителю, члену-корреспонденту РАН, доктору исторических наук, профессору А. Н. Сахарову.

Глава I

Источники

В основу настоящего исследования положены нарративные или повествовательные источники. Объектом изучения являются путевые записки русских путешественников – так называемые хождения (хожения), а также летописные сообщения, позволяющие охарактеризовать участников путешествий в зарубежные страны Востока и Запада XII–XV вв.

Рассматриваются материалы 12 древнерусских хождений (хожений)¹:

Хождение Даниила, игумена Русской земли (XII в.);

Хождение Добрыни Ядрейковича (XII–XIII вв.);

Анонимное хождение в Царьград (конец XIII – начало XIV в.);

Из странника Стефана Новгородца (XIV в.);

Хождение Игнатия Смольнянина в Царьград (XIV в.);

Хождение дьяка Александра в Царьград (XIV в.);

Хождение Зосимы в Царьград, Афон и Палестину (XV в.);

Хождение на Ферраро-Флорентийский собор Неизвестного Суздальца (XV в.);

Хождение Авраамия Суздальского (XV в.);

Хождение Варсонофия в Египет, Синай и Палестину (XV в.);

Хождение гостя Василия в Малую Азию, Египет и Палестину (XV в.);

Хождение за три моря Афанасия Никитина (XV в.).

Привлечены также тематически связанные с хождениями материалы 7 летописей²:

Повесть временных лет (по Лаврентьевской летописи 1377 г.);

Симеоновская летопись;

Рогожский летописец (от свода 1408 г.);

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов;

Новгородская четвертая летопись (свод 1418 г.);

Московский летописный свод конца XV в.;

Никоновская летопись.

Хождения

Русские хождения (хождения) – совершенно особый жанр средневековой литературы, в котором запечатлены национально-конфессиональные особенности духовного склада и мировосприятия их авторов – жителей средневековой Руси, а также политические, нравственные и художественные идеи того времени. Возникнув как описания путешествий на христианский Восток ко «Святым местам», имевшие не только познавательное, но и нравственное, воспитательное значение (читатели должны были мысленно проделать тот же путь и получить пользу для души, что и путешественник), хождения дают возможность широкого видения Русской земли, восприятия ее как части Вселенной или, во всяком случае, части христианского мира.

Как литературная форма или жанр хождения возникли в самом начале XII в.³ Основоположником жанра считается игумен Даниил⁴. Его путевые записки стали образцом, который во многом обусловил определенную структуру, предмет повествования и языковое своеобразие подобных сочинений.

Начинаются хождения с традиционного вступления, где автор заверяет читателя, что все рассказанное видел сам «очима своима грешныма». Авторские оценки увиденного в пути и лирические отступления немногочисленны. Последовательность описаний основывается на одном из двух принципов (пространственном или временном)⁵. Пространственный принцип лежал в основе паломнических хождений, в которых описания памятников христианской культуры и святынь соотносились с топографией местности (Даниил, Добрыня Ядрейкович, Аноним, Стефан Новгородец, дьяк Александр). Принцип временной последовательности лежал в основе «светских», т. е. торговых и дипломатических, хождений. Описания в них размещались в соответствии с временем путешествия, нередко с датировкой пребывания путешественника в тех или иных местах и происшедших событий (Игнатий Смольнянин, Зосима, Неизвестный Суздалец, второе хождение Варсонофия, гость Василий, Афанасий Никитин).

Характерная особенность языка хождений – присутствие церковнославянской лексики (особенно в паломнических хождениях), а также иноязычной лексики и фразеологии (игумен Даниил широко использует грецизмы, Неизвестный Суздалец – немецкую и итальянскую лексику, Афанасий Никитин вводит в текст своих путевых записок лексическую смесь из языков тюркских, арабских, персидского и хинди).

Композиция паломнических хождений характеризуется еще одной особенностью: в них встречаются вставные эпизоды легендарно-библейского содержания, чего нет в хождениях дипломатических и торговых. Эти эпизоды авторы путевых записок обычно соотносят или со «святынями» и памятниками христианской культуры, или с географическими местами (Даниил, Добрыня Ядрейкович, Аноним, Стефан Новгородец). Однако в XV в., когда начинается интенсивная перестройка жанра и новые светские элементы постепенно закрепляются в жанровой структуре, видоизменяя ее, легенды не вводятся в текст записок многих путешественников (Неизвестный Суздалец, гость Василий, Афанасий Никитин).

Становление нового этапа в развитии жанра хождений связано с появлением в 90-х гг. XIV в. путевых записок Игнатия Смольнянина. Главное в них – не описание христианских святынь, а рассказ о событиях, происшедших во время путешествия (описание дворцового переворота в византийской столице, венчания на царство и т. д.). Это произведение стало первым светским хождением, освобожденным от библейско-апокрифических мотивов. Такого рода путевые очерки окончательно укрепились в середине XV в. и достигли своего наивысшего развития в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина. В последующие столетия сочинения этого жанра не исчезли бесследно. Они получили воплощение в литературе нового времени и сохранились до наших дней в виде современного путевого очерка⁶.

Характеризуя хождения, нельзя оставить без внимания историю их изучения.

Одним из первых на эти сочинения обратил внимание исследователей Н.Г. Устрялов⁷.

Первые издания (1837, 1839, 1849 гг.) хождений появились на свет благодаря деятельности неутомимого этнографа и библиографа И.П. Сахарова⁸. Обычно издания И.П. Сахарова подвергаются заслуженной критике. Исследователи доказали, что он вносит необоснованные дополнения в памятники древней письменности⁹.

Важным событием 70-х гг. XIX в. стала публикация И.Я. Порфирьева «Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях»¹⁰, и особенно появление специального библиографического справочника С. Пономарева «Иерусалим и Палестина в русской литературе, науке, живописи и переводах», опубликованного в сборнике Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук¹¹. В уникальной и достаточно большой по объему работе впервые был дан источниковедческий анализ хождений как исторического источника.

С 80-х гг. XIX в. начинается новая публикация хождений на страницах «Православного Палестинского сборника». Среди первых текстов – «Житие и хоженъе Даниила, Русския земли игумена»¹². Это сочинение принадлежит к числу книг, наиболее читавшихся на Руси, о чем говорит наличие большого количества рукописных списков. Сегодня известно 159 списков XV–XIX вв.¹³ Написанное в начале XII в., приблизительно в 1106–1108 гг., во время составления первой редакции летописного свода Повесть временных лет, хождение игумена Даниила представляет собой ценный исторический источник, в котором нашли отражение события политической истории стран Запада и Востока, в частности – Палестины и Сирии. В период путешествия Даниила там шли военные действия между крестоносцами и арабами, а в 1099 г. было провозглашено Иерусалимское королевство, возглавил которое предводитель Первого крестового похода Балдуин (Бодуэн) I. Не вмешиваясь в борьбу арабов с крестоносцами и избегая давать ей оценку, русский паломник заносил в свои путевые записки как отдельные сведения об этой борьбе, так и другие наблюдения над повседневной жизнью страны. Кроме точных и выразительных описаний экономики, природы, памятников христианской культуры стран Ближнего Востока, в хождении содержатся упоминания или пересказы событий библейской и христианской истории (повествование о царе Давиде, о жизни Авессалома, о переселении Авраама, о ловле рыбы в Тивериадском озере и др.). Структурно хождение игумена Даниила можно подразделить на следующие части: введение, описание пути до Иерусалима, описание самого Иерусалима с окрестностями, описание Галилеи и Поморья, описание Страстной субботы с последующим эпилогом¹⁴.

Впервые отрывки из Даниилова хождения были напечатаны Н.М. Карамзиным в примечаниях к тому II «Истории государства Российского»¹⁵, затем А.Н. Муравьевым в «Путешествии по Святым местам», а целиком оно впервые было издано И.П. Сахаровым в 1837 г.¹⁶ Позднее он же переиздавал его еще три раза в течение 12 лет, а в 1864 г. хождение игумена Даниила было вновь издано Археографической комиссией под редакцией А.С. Норова¹⁷.

В основу издания, предпринятого Православным Палестинским обществом, был положен Старший (1496 г.) список первой редакции, которая оставалась не изданной до этого времени, так как И.П. Сахаровым был принят за основу список третьей редакции, а А.С. Норовым – список второй редакции, текст которой вошел в состав Макариевских Миней (середина XVI в.). Следующим шагом в изучении текста записок Даниила был его перевод и публикация в 60–80-х гг. XIX в. на французском, греческом, немецком и английском языках¹⁸. Новые издания источника осуществили отечественные ученые М.С. Возняк, Г.М. Прохоров, Н.И. Прокофьев¹⁹.

Хождение Добрыни Ядрейковича (Антония) представляет собой описание Царьграда и его основных христианских святынь, составленное вскоре после 1200 г., накануне латинского завоевания и разграбления византийской столицы крестоносцами (1204 г.). Это – важный источник для изучения русско-византийских связей начала XIII в. Он содержит богатый материал по истории искусства и архитектуры Византии, а также для изучения политической идеологии Руси²⁰. Ряд сообщений хождения уникален. Это – сведения о блюде княгини «Ольги Руской» в Софийском соборе, о посольстве в Царьград волынского князя Романа, о полоцком князе Борисе и княгине Ксении Брячиславне, похороненных в Царьградских церквях Платона и Даниила. На протяжении последних ста лет к тексту книги «Паломник» Антония не раз обращались историки византийской культуры Н.П. Кондаков²¹, Х.М. Лопарев²², Д.В. Айналов²³ и др. Первым издателем текста хождения был П.И. Савваитов²⁴. В дальнейшем изучению рукописных традиций этого источника уделяли внимание П.М. Строев, И.И. Срезневский, Х.М. Лопарев, М.Н. Сперанский, О.А. Белоброва и Н.И. Прокофьев²⁵. Текст источника сохранился в рукописях не ранее XVI в. Из сохранившихся девяти списков к XVI в. относятся три (остальные шесть датируются XVII и XVIII вв.). Таким образом, списки хождения известны в трех редакциях. В первой из них («Книга „Паломник“. Зъ Богом почитаем. Сказание мест святых во Царьграде. Благослови отче». Начало: «Се аз, недостойный многогрешный Антоний, архиепископ Новгородский...»)²⁶ отсутствует упоминание о латинянах. Вторая редакция озаглавлена: «Повесть о Цари граде, колико было драгих вещей». Начало: «Царски град стоит на три угла крестообразно...»²⁷ Она завершается известием о разграблении и порче царьградских святынь крестоносцами. Третья редакция представляет значительное сокращение текста: здесь отсутствует имя Антония, нет сведений о блюде «Ольги Руской» и о посольстве в Царьград волынского князя Романа²⁸. Х.М. Лопарев считал две первые редакции авторскими²⁹.

В отличие от него американский ученый Дж. Врун видит во второй редакции компиляцию, являющуюся трудом нескольких авторов³⁰.

Анонимное хождение конца XIII – начала XIV в. – источник, состоящий только из вступления и описания Святых мест. Здесь описываются собор Святой Софии, близлежащие церкви, монастыри на побережье Босфора и другие достопримечательности (Ипподром, Константинов форум, Колуянов городок и т. д.). Важное место в тексте занимают легенды. Анонимное хождение – прекрасный путеводитель по Святым местам для паломников³¹. Этот источник дошел до нас в переработанном виде в двух памятниках, известных под названием «Беседа о святынях Царьграда» и «Сказание о святых местах и о Констянтинеграде». Текст «Беседы» был найден и издан Л.Н. Майковым по трем спискам³². Анализируя памятник, Л.Н. Майков пришел к выводу, что «Беседа» имела своим основным источником какое-то ближе ему не известное анонимное описание Константинополя³³. Изучением текста этого хождения длительное время занимался М.Н. Сперанский. Им было обнаружено, а позднее опубликовано Анонимное хождение «Сказание о святых местах и о Констянтинеграде», известное из рукописи ГИМ собрания И.Е. Забелина № 416 (314)³⁴. На основе сравнения текстов «Беседы» и «Сказания» М.Н. Сперанский пришел к следующим выводам: во-первых, ни «Сказание» не зависит от «Беседы», ни «Беседа» – от «Сказания». Во-вторых, значительное текстуальное сходство обоих памятников, заставляя предполагать один общий источник, делает возможной попытку восстановления если и не во всех деталях, то в основном содержании этого общего их источника – первоначального памятника, от которого идут «Сказание» и «Беседа»³⁵.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.